П.349.

ПИОНЕР №1

П29
34

ИЗД-ВО ЦК ВКП(б) „ПРАВДА" 1935 г.

3/140
3/313

К борьбе за рабочее дело будь готов!

ПИОНЕР

№ 1

Январь 1935

Орган ЦБ детской коммунистической организации им. Ленина при ЦК ВЛКСМ.
Адрес ред: ул. Горького, 8. Тел. 5-60-76

Советский союз

Удегэйский мальчик.

Если бы мы могли подняться на стратостате так высоко, чтоб одним взглядом окинуть Советский союз, мы бы увидели, что его окружают тринадцать государств. На западе Финляндия, Эстония, Латвия, Польша, Румыния. На юге Турция, Персия и Афганистан. Тут есть одна гора, у которой сходятся три границы: СССР, Афганистана и Индии. Дальше на восток Китайский Туркестан, где генералы все время дерутся за власть, потом Танну-Тува и независимая Монголия. И, наконец, на Дальнем Востоке Манчжурия, где хозяйничает Япония, и сама Япония на (острове Сахалине, половина которого принадлежит Японии). На северо-востоке только Берингов пролив отделяет СССР от США. А на севере наша граница кончается там, где можно построить дом, у которого все четыре стены будут смотреть на юг. Где же можно построить такой дом?

Конечно, на Северном полюсе. От него к югу идут две линии, которые упираются в мыс Дежнева (самая крайняя восточная точка СССР) и полуостров Рыбачий на Мурманском полуострове. Все, что между ними: моря, острова, белые медведи, тюлени, моржи, рыба — все это принадлежит СССР.

Если бы все жители СССР стали в одну шеренгу, то для того, чтобы пройти мимо этой шеренги, делая по 30 километров в день, пришлось бы потратить около шести лет и семь раз пройтись от Владивостока до Минска.

По своему населению СССР занимает третье место в мире, по быстроте роста населения — первое. В 1920 г. было всего 131½ миллиона населения, а через 13 лет уж 168 миллионов. Теперь ежегодно население СССР растет почти на три миллиона человек, или в среднем ежедневно на 820 чловек, т. е. на население не маленькой деревни. Ни в одной стране так быстро не растет население.

География меняется

Самая длинная река в СССР — Обь (4347 километров). Самая высокая гора СССР — пик Сталина в Средней Азии. Его вершина поднимается на 7475 метров над уровнем моря.

Самое большое и самое глубокое пресное озеро — Байкал. Его глубина — больше полутора километров.

Самое холодное место земли — «Полюс холода» — находится в г. Верхоянске. Там бывает самая низкая температура — 69,8°.

В царской России ребята из году в год учились по одному и тому же учебнику географии. Проходило десять — пятнадцать лет, и в этом учебнике почти ничего не меняли, так как и в стране мало что менялось.

У нас же через год — два, после того как печатная машина выбросила пахнущие краской листы учебников, сведения их уже надо заменять другими. Так быстро большевики изменяют географию страны.

Еще несколько лет назад ребята учили, что в пустыне Кара-Кум умирает все живое, кроме ящериц да змей. А теперь в самом сердце пустыни есть город около серного завода. В городе есть кино, и киноленты туда возят на самолетах.

Москву всегда считали сухопутным городом, а через год она будет большим портом и в нее смогут приходить даже морские пароходы.

Большевики соединяют четыре моря каналами: Белое, Балтийское, Черное, Каспийское.

По всему северу СССР кочуют десятки тысяч оленеводов. Когда олени съедят весь мох, они передвигаются дальше и через несколько лет снова возвращаются на старые места.

Один оленевод-ненец возвращался через четыре года на старое место кочевки, около озера Вудьявр в Хибинских горах. Перевалив через гору, он упал на землю, потрясенный невиданным зрелищем города с тысячами населения, залитого электрическим светом, там, где четыре года назад было пастбище. Это был Хибиногорск, ныне Кировск. Сейчас в Кировске уже 40 тысяч населения.

В письме товарищу Сталину летчики, герои Советского союза, писали, что иногда они не узнают той местности, над которой пролетали три—четыре года назад.

Больше всего новых заводов, городов, железных дорог строится там, где часто даже этих названий не знали жители, — на окраинах СССР.

СССР — страна, в которой больше всего живет разных народов. Ученые долго не могли установить, сколько же народов есть в СССР. Только недавно Академия наук установила, что народов в СССР 156. Но и эта

Ненецкая девочка.

П 29
34

Г.П.Б. в Лн
Ц. 1935
Акт № 21

Валериан Владимирович Куйбышев

Юные пионеры!

Наша великая страна и партия понесли большую потерю: 25 января скончался славный большевик — Валериан Владимирович Куйбышев.

Товарищ Куйбышев, верный соратник вождя нашей партии товарища Сталина, всю свою жизнь отдал борьбе за благо трудящихся всего мира. Его героическая работа в большевистском подполье, на фронтах гражданской войны, в боях за выполнение великих планов первой и второй пятилеток, его непримиримая борьба с врагами партии и рабочего класса служат для юных пионеров примером, как надо бороться за дело Ленина—Сталина. Валериан Владимирович всегда был и останется в нашей памяти как заботливый друг пионеров и школьников. До самых последних дней своей славной жизни товарищ Куйбышев заботился о строительстве школ, пионерских лагерей, детских здравниц. Одним из ярких примеров его любви к детям Страны советов является подписанное им 25 января, за несколько часов до смерти, постановление Совета народных комиссаров Союза ССР о дальнейшем улучшении всесоюзной пионерской здравницы—лагеря „Артек".

Юные пионеры! Склоним знамена над могилой человека, отдавшего все свои силы за победу рабочего класса, за торжество дела Ленина — Сталина.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ БЮРО ЮНЫХ ПИОНЕРОВ.

Казацкая шашка

Я. Бельский

Рис. А. Брея

Отряд остановился на опушке леса. Справа расстилалась бескрайняя степь, слева, над низинами и оврагами, стелился тяжелый и холодный, предвечерний туман.

Две дороги шли отсюда, и командир не знал, куда вести свой отряд.

В лесу нашли остатки бандитских костров, бутылки из-под самогона и трубку. На трубке корявыми буквами было вырезано имя ад'ютанта и помощника Заболотного — Фотия Рака. Ночью здесь был сам атаман со своими казаками.

— Куда ж он двинулся? Если по дороге налево,— значит, в Фернатти, если направо,—в Пасецелы...

Обе деревни кулацкие, спрячут бандитов так, что ищи иголку в сене.

Командир думал. Кавалеристы переминались в седлах, переговариваясь вполголоса. Неделю скакали днем и ночью. Шли по самым следам, и в последнюю минуту Заболотный исчезал, как сквозь землю проваливался. Вчера еще его костры горели в Барщанском лесу, сегодня крестьяне говорили, что видели его где-то под Крутыми, верстах в ста отсюда.

Да и крестьянам этим верить нельзя было. Шут их знает, кто они такие.

Командир свернул цыгарку и закурил.

Горизонт потемнел. Пора было подумать о ночлеге.

— Карпов! — позвал командир.

К нему под'ехал рысью рослый кавалерист.

— Слушаю, товарищ командир, — сказал он, чуть привстав на стременах.

— Возьми двоих хлопцев и скачи в Фернатти. Там, может быть, будем ночевать.

— Пустите меня, товарищ начальник,— сказал Федька Ковальчук.—Я с этой деревни. Я там все входы и выходы знаю.

Ковальчуку было лет семнадцать, а в отряде он был всего три месяца. Никто не знал толком, кто он и откуда.

Ковальчук появился однажды ночью, когда отряд спал в Лесничевском лесу. Он как-то незаметно прополз мимо часовых и разбудил командира, спавшего у костра.

— Ты кто такой? — спросил командир.

— Я из Фернатти,—сказал Ковальчук,—от Заболотного утик.

Командир полуоткрыл сонные глаза и посмотрел на мальчишку.

— А чего ж ты от Заболотного тикал? На что ты ему сдался?—спросил он.

— Они, товарищ командир, мого батьку убили.

Командир окончательно проснулся, сел и закурил папиросу.

— За что ж они твоего батьку убили?

— Они сказали—за то, что коммуне хлеб отдал. Фотий Рак вывел его из хаты и застрелил на дворе. А мамку побили.

— Так чего ж ты хочешь?

— В Красной армии хочу служить. Отомстить треба, товарищ командир. За шо ж це воны мого батьку убили...

— Та разве ж это шашка? Це ж кочерга! Такой шашкой утке головы не срубишь...

— А конь у тебя есть?

— Есть. Я его тут недалечко оставил. Добрый конь. Только, товарищ командир, у меня до вас просьба. Я, когда тикал, шашку забыл взять. Позвольте мне поехать за ней. Я заберу ее и сейчас же назад приеду.

— А на что она тебе?.. Мы тебе другую дадим...

— Ни, нельзя, товарищ командир, шашка старая, казацкая. Там клинок, кажуть, что еще с Турции казаки привезли. Теперь таких не делают. Если шашка пропадет, как же я матери своей в глаза смотреть буду?.. Это же срам, товарищ командир. Я у два счета — туда и назад. Только шашку заберу. Нехорошо, если Фотий Рак ее себе возьмет. Он батьку убил и нашу шашку носить будет. Как же ж так?..

Ковальчук на время забыл и смерть отца и позор матери. Его интересовала шашка. Он вопросительно смотрел на командира голубыми, еще немного детскими глазами.

— Не, брат, не выйдет,—сказал командир.—Побьем Заболотного, заберем твою шашку, а рисковать башкой из-за чепухи нельзя. У нас, в Красной армии, дисциплина... Лягай спать, завтра разберем.

С той ночи Ковальчук стал партизаном. Он скакал с отрядом по полям и по лесам Балтщины, ходил в разведку. В стычках дрался в первых рядах и всегда искал Фотия Рака, укравшего фамильную шашку.

Только одно плохо было с Ковальчуком. Как сядут ребята у костра ночью в лесу или в хате посудачить, сейчас Ковальчук про свою шашку начинает. Говорит, пока все не заснут, а сам он всегда засыпал последним, когда окончательно убеждался, что его больше никто не слушает.

— Та разве ж это шашка?—говорил он, указывая на свою,—це ж кочерга! Такой шашкой утке головы не срубишь... От-то была шашка, так ею бриться можно было. Гострая як вогонь, и точить не надо было. А узор там на клинку какой, а рукоятка. Як возьмешь у руку, так сам дьявол не вырвет.

— А ты разве уже бреешься?—спрашивали Ковальчука кавалеристы.—У тебя еще молоко на губах не обсохло.

— Я-то не бреюсь, а вот батька покойный, царство ему небесное, так он брился. Сам видел, как брился...

— Как же ты, брат, такую шашку забыл? Ею ж теперь бандиты, может, нашего брата рубают...

— От так, забыл. Тикал шибко и забыл... А Фотий себе ее забрал.

Наверное, эта самая отцовская шашка прорезала первую глубокую морщину на лбу Ковальчука.

Когда все засыпали, он еще долго думал, насупив брови, как добыть назад свою шашку, как подкатиться к командиру, чтобы тот отпустил его за нею. Десятки фантастических проектов придумывал Ковальчук, но командир и слышать не хотел.

Вот этот самый Ковальчук и вызвался поехать в разведку с Ванькой Карповым.

— Ну что ж, поезжай,—сказал командир,—только смотри, чтоб никаких там шашек. Посмотреть—и назад...

— Есть, — сказали кавалеристы и поскакали крупной рысью по дороге в Фернатти.

Долго их не было. Командир забеспокоился, хотел скакать на выручку всем отрядом.

Совсем уже стемнело, когда раздался цокот копыт по дороге.

Первым подскакал Ванька Карпов.

— Там, товарищ начальник, бандиты. Человек пятнадцать. У попа ужинают, самогон пьют и сало жрут.

«Вот проклятый поп, — подумал командир, — два дня назад клялся и божился, что в доме, кроме хлеба, ничего нет, а для бандитов сало нашлось».

— Заболотный там? — спросил он, глядя в холку коня.

Тут вдруг вперед вырвался Ковальчук.

— Товарищ начальник,—крикнул он,—Семена там нет. Там—Фотий, Стратиевский и Иван Гаврилюк. То-

варищ начальник, у Фотия моя шашка, не видать мне света божьего. Жрет собака, а шашку между ног держит, чтоб не украли. Дозвольте, товарищ начальник...

Но командир перебил его. Он смотрел куда-то вперед, где верстах в трех горели огни Фернатти. Усталости как не бывало. Командир подтянул крепче поводья и взял лошадь в шенкеля.

Тихо из темноты доносилось конское ржанье и заглушенный говор.

— Не больше пятнадцати?—спросил командир Карпова.—Дозоров не выставили?

— Не больше, товарищ начальник,—мы коней посчитали. Мы им подпруги порезали. Далеко не поскачут. Можно ударить: дозоров нет.

Через мгновенье отряд карьером мчался в деревню.

Вихрем пронеслись через главную улицу. Вот церковь и дом попа на горке. Огни горят. Командир на всем скаку выпалил из маузера в окно. Свет погас. Ничего не видно в темноте. Бухают беспорядочно выстрелы. Иногда осветится огнем чье-нибудь лицо и опять пропадет во мраке. Бандиты пробиваются к коням, вскакивают, но падают. Они не знают, что подпруги порезаны.

Отчаянно бьются. Знают обе стороны, что пощады не жди, что поражение—смерть.

И вдруг резкий крик сквозь грохот выстрелов, сквозь шум свалки.

— Отдай, собака, мою шашку!

Ковальчук нашел Фотия.

В отблеске выстрела мелькнуло на мгновенье лицо бандита и молнией сверкнула занесенная шашка.

Захваченные врасплох, бандиты не выдержали удара.

Молча построились кавалеристы. При свете факелов стали проверять, кто налицо.

Троих не хватало. Не было Сидоренко, Карпова и Ковальчука. Долго искали. В куче бандитских тел нашли раненых Карпова и Сидоренко. Последним отыскали Федьку Ковальчука. Он лежал лицом вниз и из спины его торчал конец узорного клинка. Под ним, оскалив зубы на мертвом лице, лежал с простреленной головой Фотий Рак.

В эту ночь Ковальчук отомстил за смерть отца и нашел свою шашку.

Его похоронили на площади в родной деревне, и положили в могилу заветную саблю.

На деревянной дощечке кавалеристы написали:

«Здесь спит вечным сном герой и партизан Федя Ковальчук 17 лет, погибший в деле 6 сентября 1920 года».

А сверху нарисовали пятиконечную звезду и кривую, казацкую саблю.

ВСЕСОЮЗНЫЙ СТАРОСТА

В Тверской губернии, возле деревни Верхняя Троица, было когда-то имение помещика, генерала Мордухай-Болтовского. У помещика было шестеро детей, которые часто играли в разные игры с деревенскими ребятами. С двумя из сыновей Болтовских Михаил Иванович подружился. И вот эти новые друзья, узнав о том, что Михаил Иванович очень хочет учиться, но у него нет 12 рублей, чтобы заплатить за ученье, стали просить отца, генерала Болтовского, устроить их деревенского друга в школу. Болтовский устроил, и Михаил Иванович начал учиться.

Учился он хорошо. Поступив осенью в младший класс, к рождеству он перешел уже в средний. Он много читал. За два года он прочитал всю школьную библиотеку и много книг из библиотеки Болтовского.

Через два года Михаил Иванович окончил школу и поступил на службу к Мордухай-Болтовскому мальчиком на побегушках. Служакой он был очень плохим, потому что он больше думал о книжках, чем о том, как бы угодить господам и быть расторопным.

— Как сейчас помню,—рассказывал Михаил Иванович Калинин, вспоминая свою первую службу,—нес я однажды двадцать тарелок, да все их сразу и разбил. Один раз цветочный горшок грохнул перед самой помещицей. Она мне за это по шее...

Осенью Болтовские всей семьей уехали в Петербург. Вместе с ними уехал и Михаил Иванович Калинин. Деревенский парень, он и в Петербурге сначала вел себя по-деревенски. Когда ехали с вокзала на квартиру Болтовских на извозчике, он перед каждым встречным снимал шапку и кланялся, как учили его в школе. Ехавший с ним старый лакей Иван Никифорович улыбнулся и сказал, что снимать перед каждым не стоит, дескать, народу больно много. И он перестал.

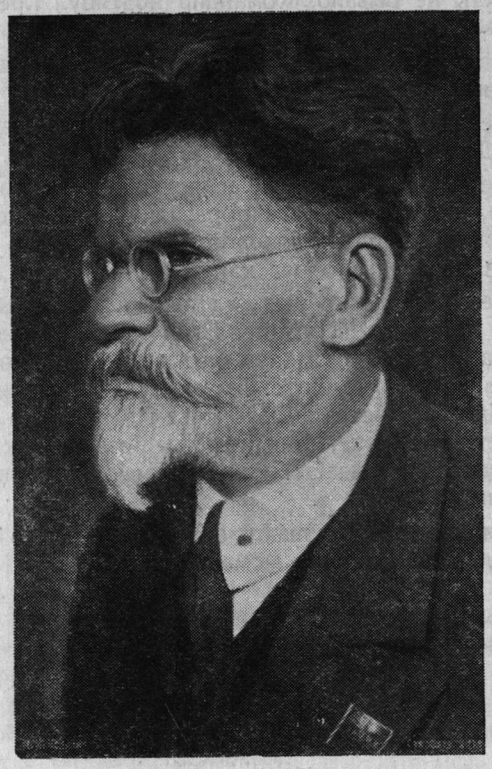
В Петербурге у Болтовских Михаил Иванович бегал за молоком, за булками и за всякой всячиной, а на досуге попрежнему читал книги и каждый день прочитывал газету, чтобы знать, что творится в России.

18 лет он ушел от Болтовских и поступил учеником на завод «Старый арсенал». Днем он работал, а вечерами учился в заводской школе.

Через два года он перешел на Путиловский завод и там впервые столкнулся с рабочими кружками и подпольной работой. В это время в Петербурге Владимир Ильич Ленин организовал «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». «Союз» издавал прокламации, организовывал революционные кружки на заводах и фабриках. Михаил Иванович Калинин вошел в «Союз» и вскоре стал самым активным членом.

Но полиция выследила его, арестовала, посадила в тюрьму, а потом выслала на Кавказ. На третий день по приезде на Кавказ он уже был на нелегальном собрании в горах. Скоро его опять арестовали и выслали с Кавказа. Он уехал в Ревель.

— Однажды у меня на квартире, — рассказывает Михаил Иванович,—делали прокатный валик для гектографа. Мы варили мастику, принесенную одним наборщиком из типографии, и вся квартира была пропитана вонючим дымом. Вдруг в самый разгар работы раздается стук в дверь. Открываем дверь — жандарм! Но, оказывается, жандарм пришел с простой бумагой, с вызовом меня на допрос по тифлисскому делу. Я расписался и пожаловался ему, что вот-де, мол, очень плохая квартира, печь дымит и т. п. Жандарм посочувствовал и ушел, а мы после его ухода стали спокойно доделывать свое дело.



Михаил Иванович КАЛИНИН.

Через несколько лет Михаил Иванович все-таки попался полиции. Его отправили в Петербург, в тюрьму, так называемую «предварилку».

В «предварилке» было много политических, которых держали в самых суровых условиях.

Однажды один заключенный во время прогулки залез на забор и обратился к товарищам с призывом к борьбе с тюремным произволом. Тюремщики тотчас же схватили его и жестоко избили. Это событие взволновало всю тюрьму. Начался бунт, в номерах стали бить стекла. Испуганные надзиратели забегали по коридорам, а в камерах заключенные жгли подушки, матрацы и выбрасывали в окна. Устроив демонстрацию, заключенные об'явили голодовку, которая длилась шесть дней. После голодовки заключенные стали замечать, что наиболее активные товарищи стали вдруг исчезать из камер. Их увозили куда-то тюремщики. Увезли они и Михаила Ивановича из «предварилки» в другую тюрьму, которая называлась «Крестами».

В «Крестах» политические быстро познакомились друг с другом и стали перестукиваться из камеры в камеру. Кто-то попробовал даже организовать митинг из окон и привлечь к этому митингу уголовных. Шум в камерах продолжался дня три. Начальник тюрьмы угрожал им, но его не слушались, и он решил действовать кулаками, чтобы усмирить непокорных.

— Но вот,—рассказывает Михаил Иванович,—с обеда слышим невероятный крик: по лестнице кого-то волокут, слышим стук о ступеньки. Мы начинаем шуметь, бить в двери, полетели снова стекла, табуретки, но уже к нам не идут, а шум то увеличивается, то прекращается. Нужно сказать, что незадолго перед этим я был переведен с пятого этажа в первый, а из-

биение началось с пятого. Мы слышим борьбу в каждой камере, а потом пропадает человек. Наконец, я слышу, что я уже кричу один... Сижу на окне, держусь за решетку—рама уже давно полетела—и кричу. Врывается человек восемь надзирателей с начальником тюрьмы во главе, хватают меня и начинают бить по всему телу буквально как цепами: колотят и ногами и кулаками, и по голове и по бокам. А начальник стоит и кричит: «Так им и надо, мерзавцам! Я им покажу революцию!» Избили влоск. Но нужно сказать, что когда они до меня добрались, то за это время уже успели избить 41 человека и потому меня били недолго, минут 10, а потом надели горячечную рубаху, туго связали и бросили. Мы жаловались инспектору тюрьмы, говорили, что нас избили. Он нам заявил, что неправда, вас, говорят, только связали и связали правильно, потому что вы нарушаете порядок. Во время избиения несколько человек пострадали жестоко. Один, тов. Корчевский, до этих пор очень здоровый человек, получил чахотку и через год умер.

Через полтора месяца Михаила Ивановича выпустили из тюрьмы и снова выслали в Ревель, а из Ревеля на родину, где он вместе с родными пахал и сеял.

В последний раз он был арестован в 1916 году. Его приговорили к ссылке в Сибирь.

Но Михаил Иванович не уехал. Он остался нелегально жить в Петербурге и под фамилией Лорберга поступил в инструментальную мастерскую.

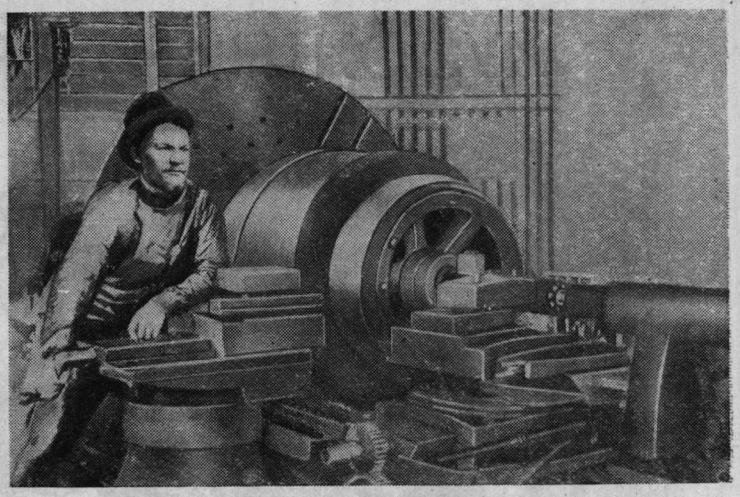
После Февральской революции Михаил Иванович об'езжает заводы, собирает рабочие массы вокруг большевиков и под руководством Ленина вместе с другими большевиками подготовляет вооруженное восстание для свержения буржуазного Временного правительства.

Рабочие под руководством партии большевиков разогнали Временное правительство, Октябрьская революция победила. Власть перешла в руки Советов. Пролетариат, хорошо знавший Михаила Ивановича, в 1918 г. единогласно избрал его городским головой Петрограда. А в марте 1919 года, когда умер первый председатель ВЦИК РСФСР Яков Михайлович Свердлов, на пост председателя ВЦИК, по предложению Ленина, был избран Михаил Иванович Калинин.

И вот Михаил Иванович, тверской крестьянин и ленинградский рабочий, уже свыше 15 лет с честью выполняет ответственнейшее дело. Михаил Иванович с первых же дней, после избрания на пост председателя, держит непосредственную и самую тесную связь с рабочими и крестьянскими массами, знакомится с их жизнью, с их работой и нуждами не по бумажным докладам, а лично. Он ездит по всему Советскому союзу, посещает самые глухие деревни, колхозы, заводы, новостройки, всюду беседует запросто и сам подробно вникает во все мелочи жизни трудящихся.

Во время гражданской войны Михаил Иванович ездил по фронтам, беседовал с красноармейцами, знакомился с их жизнью, выступал на митингах, укреплял боевой дух Красной армии.

Сейчас к Михаилу Ивановичу со всего Союза тянутся ходоки: кто с личными нуждами, кто по общественным делам. В Москве в приемной Калинина всегда полно народу в полушубках, зипунах, сибирских малахаях, в тюбетейках, в кавказских папахах и кожаных куртках. Точно в назначенный час в приемную входит Михаил Иванович, принимает заявления, раз'ясняет, расспрашивает и выслушивает жалобы. О приемной Калинина, в которой всегда можно получить и мудрый совет и правильное решение дела, знают в самых глухих уголках Союза. В этой-то тесной связи с трудящимися сила советской власти и ее главы — Михаила Ивановича Калинина.



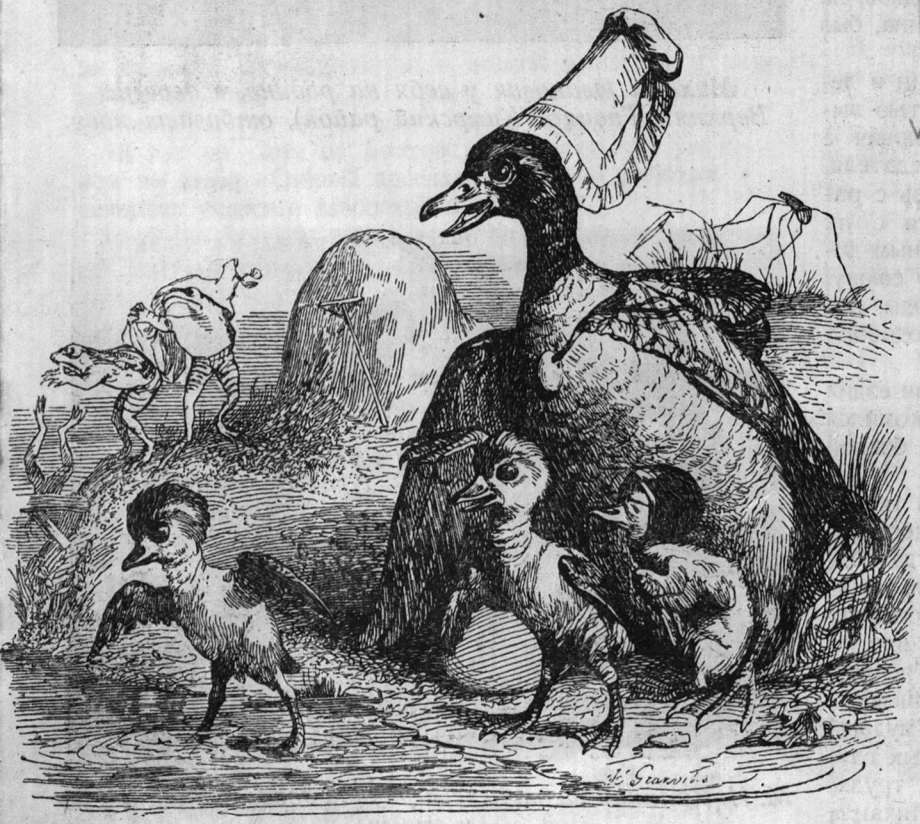
В 1901 г. в Ревеле. М. И. Калинин у станка.

Михаил Иванович у себя на родине, в деревне Верхняя Троица (Кимрский район), отбивает косу.

М. И. Калинин на отдыхе в родной деревне с матерью и сыном.

ХУДОЖНИК СРЕДИ ЗВЕРЕЙ

Хищники на приеме.



Мамаша с детьми.

Бывает так: посмотришь на человека — и видишь, что он похож на птицу, на зверя, и сразу даже не скажешь, почему похож. Нето голова похожа, нето движение, нето характер.

В середине прошлого столетия во Франции жил художник по фамилии Гранвиль. Этот художник обладал изумительным глазом: он подмечал сходство между людьми и зверьми. Эта способность Гранвиля доставила ему много неприятностей.

В своих картинках он стал изображать важных людей тогдашней Франции ввиде птиц и зверей. Вот картинка—король пингвинов. На кресле-качалке сидит глупая птица в короне и мантии, и вид у нее глупый, и корона глупая — что-то среднее между короной и ночным колпаком. Под картинкой было написано: «Король пингвинов», но кто же не знает, что это король Франции? Вот лягушка во фраке. Она громко квакает о любви к отечеству и втихомолку обделывает темные делишки и как липку обдирает свое дорогое отечество.

Целая стая хищников: крокодил и волк, акула и щука, и лиса, отталкивая друг друга, стремятся дорваться до власти и ухватить кусок пожирней.

В рисунках Гранвиля — вся Франция его времени. Они очень метки и злы.

Они так попадали в цель, что французское королевское правительство издало специальный закон против сатирических журналов и карикатур. Гранвиль не смог больше работать в журналах и стал иллюстрировать книги. В книгах под видом картинок о зверях он попрежнему язвил и буржуазных министров, и важных дам, и военных.

Иногда его рисунки бывали благодушны, иногда он беззлобно, но все так же метко подмечал смешное в людях: утка в чепце с утятами—совсем мамаша с детьми; лягушата на этой же картинке совсем похожи на ребят, на бегу срывающих рубашки и прыгающих в воду; старый попугай, кумушки, рыболов — это современники, которых увидел Гранвиль своим острым взглядом художника.

Гранвиль жил всего 43 года. Он умер в 1847 г. в доме для умалишенных. Художнику, который обладал таким острым взглядом, было от чего сойти с ума в том зверином обществе, в котором он жил.

„Всякий делает для отечества, что может".

Король пингвинов.

Высокопоставленная особа.

Кузнечик королевской армии.

Жаба-буржуа.

Щеголь.

Рыболов.

Кумушки.

Старый попугай из отставных чиновников.

Повесть о том, как мужик двух генералов прокормил

М. Е. Салтыков-Щедрин — величайший русский писатель-сатирик. Он жил в 1826—1889 гг. В своих сказках очень зло высмеивал правящие классы России. Одну из таких вот сказок мы и печатаем.

М. Е. Салтыков-Щедрин

Рис. А. Каневского

Жили да были два генерала, и так как оба были легкомысленны, то в скором времени, по щучьему велению, по моему хотению, очутились на необитаемом острове.

Служили генералы всю жизнь в какой-то регистратуре; там родились, воспитались и состарились, следовательно, ничего не понимали. Даже слов никаких не знали, кроме «примите уверение в совершенном моем почтении и преданности».

Упразднили регистратуру за ненадобностью и выпустили генералов на волю. Оставшись за штатом, поселились они в Петербурге, на Подьяческой улице, на разных квартирах; имели каждый свою кухарку и получали пенсию. Только вдруг очутились на необитаемом острове, проснулись и видят: оба под одним одеялом лежат. Разумеется, сначала ничего не поняли и стали разговаривать, как будто с ними ничего не случилось.

— Странный, ваше превосходительство, мне нынче сон снился,—сказал один генерал.—Вижу, будто живу я на необитаемом острове...

Сказал это, да вдруг как вскочит. Вскочил и другой генерал.

— Господи! Да что ж это такое? Где мы?—вскрикнули оба не своим голосом.

И стали друг друга ощупывать, точно ли не во сне, а наяву с ними случилась такая оказия. Однако, как ни старались уверить себя, что все это не больше как сновидение,—пришлось убедиться в печальной действительности.

Перед ними с одной стороны расстилалось море, с другой стороны лежал небольшой клочок земли, за которым стлалось все то же безграничное море. Заплакали генералы в первый раз после того, как закрыли регистратуру.

Стали они друг друга рассматривать и увидели, что они в ночных рубашках, а на шеях у них висит по ордену.

— Теперь бы кофейку испить хорошо!— молвил один генерал, но вспомнил, какая с ним неслыханная штука случилась, и во второй раз заплакал.

— Что же мы будем, однако, делать,— продолжал он сквозь слезы,— ежели теперича доклад написать, какая польза из этого выйдет?

— Вот что,—отвечал другой генерал.—Подите вы, ваше превосходительство, на восток, а я пойду на запад, а к вечеру опять на этом месте сойдемся; может быть, что-нибудь и найдем.

Стали искать, где восток и где запад. Вспомнили, как начальник однажды говорил: «Если хочешь сыскать восток, то встань глазами на север и в правой руке получишь искомое». Начали искать север, становились так и сяк, перепробовали все стороны света, но так как всю жизнь служили в регистратуре, то ничего не нашли.

— Вот что, ваше превосходительство, вы пойдете направо, а я налево, этак-то лучше будет! — сказал один генерал, который, кроме регистратуры, служил еще в школе военных кантонистов учителем каллиграфии и, следовательно, был поумнее.

Сказано — сделано. Пошел один генерал направо и видит: растут деревья, а на деревьях всякие плоды. Хочет генерал достать хоть одно яблоко, да все так высоко висят, что надобно лезть. Попробовал полезть — ничего не вышло, только рубашку изорвал. Пришел генерал к ручью, видит: рыба там, словно в садке на Фонтанке, так и кишит и кишит.

— Вот кабы этакой-то рыбки да на Подьяческую!— подумал генерал и даже в лице изменился от аппетита.

Зашел генерал в лес, а там рябчики свищут, тетерева токуют, зайцы бегают.

— Господи! еды-то! еды-то! — сказал генерал, почувствовав, что его уже начинает тошнить.

Делать нечего, пришлось возвращаться на условленное место с пустыми руками. Приходит, а другой генерал уж дожидается.

— Ну что, ваше превосходительство, промыслили что-нибудь?

— Да вот нашел старый номер «Московских ведомостей» и больше ничего!

Легли опять спать генералы, да не спится им натощак. То беспокоит их мысль, кто за них будет пенсию получать, то припоминаются виденные днем плоды, рыбы, рябчики, тетерева, зайцы.

— Кто бы мог думать, ваше превосходительство, что человеческая пища в первоначальном виде летает, плавает и на деревьях растет? — сказал один генерал.

— Да,— ответил другой генерал,— признаться, и я до сих пор думал, что булки в том самом виде родятся, как их утром к кофею подают.

— Стало быть, если, например, кто хочет куропатку с'есть, то должен сначала ее изловить, убить, ощипать, изжарить... Только как все это сделать?

— Как все это сделать? — словно эхо повторил другой генерал.

Замолчали и стали стараться заснуть, но голод решительно отгонял сон. Рябчики, индейки, поросята так и мелькали перед глазами, сочные, слегка подрумяненные, с огурцами, пикулями и другим салатом.

Да что ж это такое? Где мы?

— Теперь я бы, кажется, свой собственный сапог с'ел,— сказал один генерал.

— Хороши тоже перчатки бывают, когда долго ношены! — вздохнул другой генерал.

Вдруг оба генерала взглянули друг на друга: в глазах их светился зловещий огонь, зубы стучали, из груди вылетало глухое рычание. Они начали медленно подползать друг к другу, и в одно мгновенье ока оба остервенились. Полетели клочья, раздался визг и оханье: генерал, который был учителем каллиграфии, откусил у своего товарища орден и немедленно проглотил. Но вид текущей крови как будто образумил их.

— С нами крестная сила! — сказали они оба разом.— Ведь этак мы друг друга с'едим.

— И как мы попали сюда? Кто тот злодей, который над нами такую штуку сыграл?

— Надо, ваше превосходительство, каким-нибудь разговором развлечься, а то у нас тут убийство будет,— проговорил один генерал.

— Начинайте! — отвечал другой генерал.

— Как, например, думаете вы, отчего солнце прежде всходит, а потом заходит, а не наоборот?

— Странный вы человек, ваше превосходительство! Но ведь и вы прежде встаете, идете в департамент, там пишете, а потом ложитесь спать?

— Но отчего же не допустить такую перестановку: сперва спать; вижу различные сновидения, а потом встаю.

— Гм!.. Да... А я, признаться, как служил в департаменте, всегда так думал: вот теперь утро, а потом будет день, а потом подадут ужинать — и спать пора!

Но упоминание об ужине обоих повергло в уныние и пресекло разговор в самом начале.

— Слушал я от одного доктора, что человек может долгое время своими собственными соками питаться,— начал опять один генерал

— Как так?

— Да так-с. Собственные свои соки будто бы производят другие соки, эти в свою очередь еще производят соки и так далее, покуда, наконец, соки совсем не прекратятся...

— Тогда что ж?

— Тогда надобно пищу какую-нибудь принять...

— Тьфу!

Одним словом, о чем ни начинали генералы разговор, он постоянно сводился на воспоминание об еде, и это еще более раздражало аппетит. Положили: разговоры прекратить и, вспомнив о найденном номере «Московских ведомостей», жадно принялись читать его.

«Вчера,— читал взволнованным голосом один генерал,— у почтенного начальника нашей древней столицы был парадный обед. Стол сервирован был на сто персон с роскошью изумительной. Дары всех стран назначили себе как бы рандеву на этом волшебном празднике. Тут была и «шекснинская стерлядь золотая», и питомец лесов кавказских — фазан, и столько редкая в нашем севере в феврале месяце земляника...»

— Тьфу ты, господи! Да неужто ж, ваше превосходительство, не можете найти другого предмета? — воскликнул в отчаянии другой генерал и, взяв у товарища газету, прочел следующее:

«Из Тулы пишут вчерашнего числа по случаю поимки в реке Упе осетра (происшествие, которого не запомнят даже старожилы, тем более, что в осетре был опознан частный пристав Б.) был в здешнем клубе фестиваль. Виновника торжества внесли на громадном деревянном блюде, обложенного огурчиками и держащего в пасти кусок слени. Доктор П., бывший в тот же день дежурным старшиной, заботливо наблюдал, дабы все почти получили по куску. Подливка была самая разнообразная и даже почти прихотливая...»

— Позвольте, ваше превосходительство, и вы, кажется, не слишком осторожны в выборе чтения!—пре-

Привязали генералы мужичину к дереву, чтобы не убег, а сами легли спать.

рвал первый генерал и, взяв в свою очередь газету, прочел:

«Из Вятки пишут: один из здешних старожилов изобрел следующий оригинальный способ приготовления ухи: взяв живого налима, предварительно его высечь; когда же от огорчения печень его увеличится...»

Генералы поникли головами. Все, на что бы они ни обратили взоры,— все свидетельствовало об еде. Собственные их мысли злоумышляли против них, ибо как они ни старались отгонять представления о бифштексах, но представления эти пробивали себе путь насильственным образом.

И вдруг генерала, который был учителем калиграфии, озарило вдохновение...

— А что, ваше превосходительство,— сказал он радостно,— если бы нам найти мужика?

— То есть как же... мужика?

— Ну да, просто мужика... какие обыкновенно бывают мужики? Он бы нам сейчас и булок бы подал, и рябчиков бы наловил, и рыбы!

— Гм!.. мужика... но где же его взять, этого мужика, когда его нет?

— Как нет мужика! Мужик везде есть — стоит только поискать его! Наверное, он где-нибудь спрятался, от работы отлынивает!

Мысль эта до того ободрила генералов, что они вскочили как встрепанные и пустились отыскивать мужика.

Долго они бродили по острову без всякого успеха, но, наконец, острый запах мякинного хлеба и кислой овчины навел их на след. Под деревом, брюхом кверху и подложив под голову кулак, спал громаднейший мужичина и самым нахальным образом уклонялся от работы. Негодованию генералов предела не было.

— Спишь, лежебока! — накинулись они на него.— Небось, и ухом не ведешь, что тут два генерала вторые сутки с голоду умирают! Сейчас марш работать!

Встал мужичина, видит, что генералы строгие. Хотел было дать от них стречка, но они так и закоченели, вцепившись в него.

И зачал он перед ними действовать.

Полез сперва-наперво на дерево и нарвал генералам по десятку самых спелых яблоков, а себе взял одно кислое. Потом покопался в земле — и добыл оттуда картофелю; потом взял два куска дерева, потер их друг о дружку — и извлек огонь. Потом из собственных волос сделал силок и поймал рябчика. Наконец, развел огонь и напек столько разной провизии, что генералам пришло даже на мысль: не дать ли и тунеядцу частичку?

Смотрели генералы на эти мужицкие старания, и сердца у них весело играли. Они уже забыли, что вчера чуть не умерли с голоду, а думали: «Вот как оно хорошо быть генералами — нигде не пропадешь!»

— Довольны ли вы, господа генералы? — спрашивал между тем мужичина-лежебока.

— Довольны, любезный друг, видим твое усердие! — отвечали генералы.

— Не позволите ли теперь отдохнуть?

— Отдохни, дружок, только свей прежде веревочку.

Набрал сейчас мужичина дикой конопли, размочил в воде, наколотил, помял — и к вечеру веревка была готова. Этой веревкой генералы привязали мужичину к дереву, чтобы не убег, а сами легли спать.

Прошел день, прошел другой, мужичина до того изловчился, что стал даже в пригоршне суп варить. Сделались наши генералы веселые, рыхлые, сытые, белые. Стали говорить, что вот они здесь на всем готовом живут, а в Петербурге между тем пенсии ихние все накапливаются да накапливаются.

— А как вы думаете, ваше превосходительство,

в самом ли деле было вавилонское столпотворение или это только так, одно иносказание? — говорит, бывало, один генерал другому, позавтракавши.

— Думаю, ваше превосходительство, что было в самом деле, потому что иначе как же об'яснить, что на свете существуют разные языки!

— Стало быть, и потоп был?

— И потоп был, потому что в противном случае как же было бы об'яснить существование допотопных зверей? Тем более, что в «Московских ведомостях» повествуют...

— А не почитать ли нам «Московских ведомостей»?

Сыщут номер, усядутся под тенью, прочтут от доски до доски, как ели в Москве, ели в Туле, ели в Пензе, ели в Рязани,—и ничего, не тошнит!

***

Долго ли, коротко ли, однако генералы соскучились. Чаще и чаще стали они припоминать об оставленных ими в Петербурге кухарках и втихомолку даже поплакивали.

— Что-то теперь делается на Подьяческой, ваше превосходительство? — спрашивал один генерал другого.

— И не говорите, ваше превосходительство, все сердце изныло! — отвечал другой генерал.

— Хорошо-то оно хорошо здесь — слов нет, а все, знаете, как-то неловко барашку без ярочки, да и мундира тоже жалко.

— Еще как жалко-то! Особливо как четвертого класса, так на одно шитье посмотреть — голова закружится!

И начали они нудить мужика: представь, да представь их в Подьяческую. И что же, оказалось, что мужик знает даже Подьяческую, что он там был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало!

— А ведь мы с Подьяческой генералы! — обрадовались генералы.

— А я, коли видели: висит человек снаружи дома, в ящике на веревке, и стену краской мажет или по крыше словно муха ходит — это он самый, я и есть! — отвечал мужик.

И начал мужик на бобах разводить, как бы ему своих генералов порадовать за то, что они его, тунеядца, жаловали и мужицким его трудом не гнушались. И выстроил он корабль не корабль, а такую посудину, чтобы можно было океан-море переплыть вплоть до самой Подьяческой.

— Ты, смотри, однако, каналья, не утопи нас! — сказали генералы, увидев покачивавшуюся на волнах ладью.

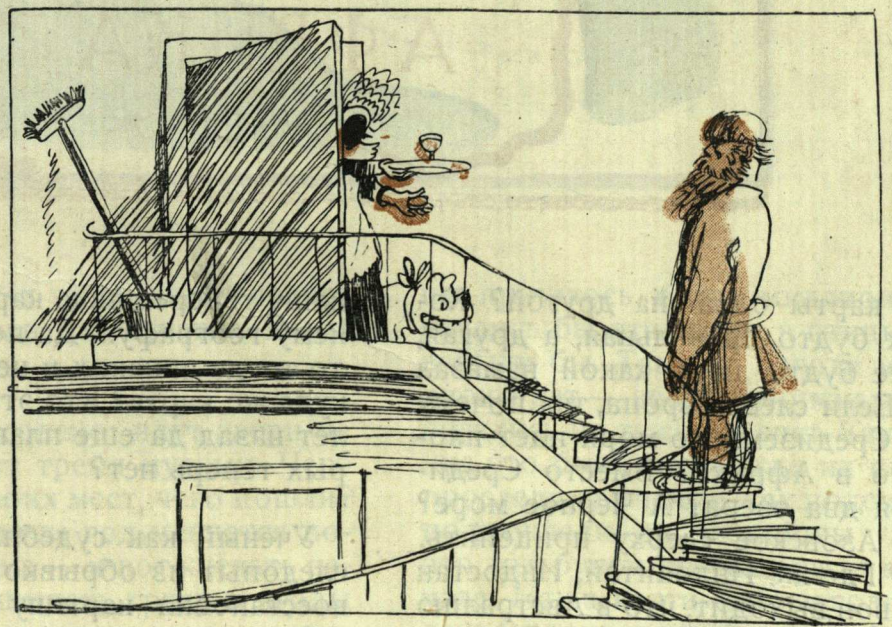
— Будьте покойны, господа генералы, не впервой! — отвечал мужик и стал готовиться к от'езду.

Набрал мужик пуху лебяжьего, мягкого и устлал им дно лодочки. Устлавши, уложил на дно генералов и, перекрестившись, поплыл. Сколько набрались страху генералы во время пути от бурь да от ветров разных, сколько они ругали мужичину за его тунеядство,— этого ни пером описать, ни в сказке сказать. А мужик все гребет, да гребет, да кормит генералов селедками.

— Вот, наконец, и Нева-матушка, и Екатерининский славный канал, вот и Большая Подьяческая!

Всплеснули кухарки руками, увидевши, какие у них генералы стали: сытые, белые да веселые. Напились генералы кофею, наелись сдобных булок и надели мундиры. Поехали они в казначейство и сколько тут денег загребли, того ни в сказке сказать, ни пером описать!

Однако и о мужике не забыли: выслали ему рюмку водки да пятак серебра: веселись, мужичина!



Однако и о мужике не забыли.

Что за карты одна на другой? Коричневая как будто правильная, а другая, что черным, ее будто неуч какой намазал как попало! Если слева Европа, так почему это поперек Средиземного моря идет плотина какая-то в Африку? Вместо Средиземного моря два озера? А Черное море? Забыл даже Азовское сверху прицепить. А в Азии-то? Где же Индокитай, Индостан и Аравия? И вон выходит, что в Австралию можно по суху перейти. Здорово! Вот это географ!

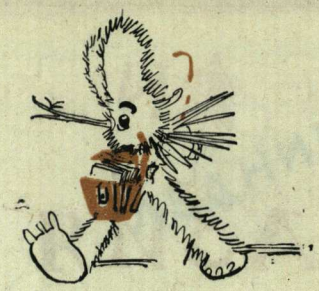
А карта-то верная, и географ поумней нас с вами. Только это портрет земли в молодости, миллионы лет назад. И если бы нашу теперешнюю карту показать тогдашнему географу... Да позвольте! Географов то тогда никаких и не было. Так тогда откуда же карта? Кто это видит на миллионы лет назад да еще плавает по морям, которых теперь нет?

Ученый как судебный следователь, как следопыт из обрывков следов, отпечатков восстановил картину того, что было. Где сейчас суша, лес и горы, море наследило морскими ракушками, скелетами рыб. Где были заросли, и там нашли следы: нашли и невиданных зверей в земле, их окаменелые скелеты. И не только это выследили

ученые: узнали, как и куда переселялись звери, какие вымирали без остатка, какие новые разводились.

На карте вон нарисовано: идут звери из Азии в Европу. Идут тремя путями. Чего ради поднялись со своих мест, чего пошли? А вот смотрите. У нас за год меняется погода: весна, лето, зима — и вот клевать насекомых и гусениц, щипать траву и ягоды слетаются птицы. Как захолодает—пропали все жуки, и ягоды, и птицы прочь. А другие звери уйти не могут и не берутся жить в зимнем холоде — они засыпают на зиму, зарываются в землю. А если бы весны пришлось ждать миллион лет? Не проснулись бы эти звери, а птицы сюда и путь забыли бы. Так вот погода менялась миллионы лет — звери в поисках пищи передвигались на тысячи верст. Как они шли, какие это были звери, где их следы, как это проследили ученые, как подсмотрели и как подслушали за миллионы лет назад,— это мы будем рассказывать в нашем журнале. Наша карта—это заголовок и оглавление; приглядитесь к ней: она полна чудес, смотрите хотя бы на пальмы на месте Лондона, на оленя с невиданными рогами, что идет из Азии на Урал.

Почта Тут-Итама



Письмо Владимира Рудима.

Харцызск, УССР.

Мы с большим интересом прочитали письмо В. Рудима. Вот молодцы ребята! Не зря ходят по улицам — все подмечают. Увидели, что почта стоит не на месте, и сейчас же: что такое? Кто это сделал? И как это сделали? И дознались, в чем дело. А другие ребята бродят как с завязанными глазами, скучают, не знают, что делать. Иногда целые звенья пионеров не могут придумать, чем бы заняться. А занятия сами лезут в глаза. Сейчас в каждом городе, на каждой улице каждый день новости. Там дом передвинули, там фабрику или электростанцию выстроили. И у каждой стройки своя история. Вот этим звеньям и надо бы организовать экскурсии на эти стройки, разузнать, что да как. И нам написали бы, как написали пионеры Харцызска, а мы напечатали бы. Такие письма всем интресны.

Дорогая редакция! Вот о чем хочу я вам написать.

Сейчас мы только что вернулись из Макеевки. Многие из нас и раньше бывали в Макеевке и видели много интересного, а сегодня мы были просто поражены. Едем по улице и вдруг глядим: почта, на которой мы бывали столько раз, стоит совсем не так и не на том месте. Оказывается, ее передвинули как какой-нибудь шкаф. Спрашиваем:

— Кто же это сделал? И как это ее передвинули?

— А это, говорят, передвинул инженер Кирлан.

Мы взяли да и пошли к инженеру Кирлан, и он нам рассказал, что двухэтажный дом почты стоял очень неудобно. Он выдавался вперед, отчего улица была узкой и по ней неудобно было ходить и ездить. Улицу надо было расширить, и вот он и придумал способ — передвигать дома как шкафы.

Сначала этим способом передвинули одноэтажный дом. Опыт удался. Тогда стали передвигать двухэтажную почту весом в 1 300 тонн. Сначала ее отделили от фундамента и подняли домкратами, а потом подвели под нее полукруглые рельсы, на рельсы положили шарики из кованой стали величиной с кулак. По рельсам на шариках и повернули почту на 90° и подвинули на 2 метра. К передвижке готовились два месяца, а передвинули в 2 недели. Работой этой заняты были только 25 человек.

Когда поворачивали почту, в ней были люди, и это было очень опасно для них, потому что почта построена из шлакового кирпича и могла развалиться. Но она не развалилась и сейчас стоит в целости на новом месте.

Инженер Кирлан подарил нам шарик, на котором передвигалась почта. Он выдержал груз в 16 тонн и даже не помялся. Правда, хороший подарок?

Письмо белорусских пионеров.

Еромковичи, БССР.

Работа юнатов интересна и разнообразна. О ней можно очень многое порассказать. Только надо завести дневники и в них записывать свои наблюдения. Хорошо завести и переписку с другими кружками юнатов. Мы ждем писем от всех ребят, которые занимаются опытами в совхозах. Ребята из Еромковичей работают совсем неплохо. У них есть чему поучиться! Ребята настойчивые! У них наверняка будут мичуринские яблоки. Редакция решила обязательно съездить к ним и посмотреть, как они работают, а заодно и попробовать, какие-то у них получились яблоки.

Дорогие товарищи!

Вам, может быть, придется побывать в наших местах. Тогда приезжайте к нам в Еромковичи. Мы угостим вас яблоками. От Орши вам придется ехать 12 километров сплошными яблоневыми садами. Сады у нас необыкновенные, и выросли они у нас на глазах.

Три года назад все у нас стали колхозниками и пашут землю сообща. Председатель сельсовета тов. Межуев — он у нас очень смекалистый — тогда же предложил колхозникам посадить на полях яблоневые сады.

Много было хлопот. Чтобы яблони не мешали пахать, засевать и убирать поля, надо было посадить деревья ровными рядами. Для этого пришлось сначала натесать несколько возов колышков и провешить все поле вдоль и поперек. Провешивают поле так: вбивают по краям поля два колышка и становят так, чтобы дальний колышек спрятался за ближний, а между этими колышками вбивают остальные и следят, чтобы они стояли ровно как красноармейцы в строю.

Потом привезли саженцы и в тех местах, где были вбиты колышки, выкопали ямки, посадили яблони и засыпали ямки землей. Яблони были тоненькие как прутья.

Осенью с садом еще больше пришлось повозиться. На зиму все молодые деревца надо было укутать от мороза, и все колхозники опять вышли в поле. Из лесу на лошадях привезли целые вороха соснового и елового

лапника, каждую яблоню обложили со всех сторон и обвязали лыком. Мы тоже помогали укутывать яблони. Наш сад в первую же зиму принес большую нам пользу.

Вот как это случилось. Сейчас у нас шесть школ, а три года назад были только две, и многим из нас приходилось ходить учиться за 10 километров и даже дальше. Ходили мы на лыжах и, чтобы поскорей придти, шли не дорогой, а прямо по полю. И вот по вечерам, когда мы возвращались домой, очень трудно было найти дорогу, особенно в метель.

Электричества в селе тогда у нас не было, и разглядеть село в темноте было почти невозможно. Случалось, что, проплутав до ночи, мы обмораживали руки и ноги и попадали совсем в другое село. А один мальчик совсем заблудился и замерз. И вот, когда снег засыпал наш сад, оказалось, что над каждой яблоней вырос целый сугроб. Для яблони этот сугроб служил теплым одеялом, а для нас вроде как дорожным столбом. В любую погоду и даже ночью эти сугробы были хорошо видны и мы уже больше не сбивались с дороги.

Весной, когда распустились почки на деревьях, нам очень хотелось посмотреть, как принялись наши яблони, но сделать это было невозможно, потому что между яблонь взошла озимь и мы могли ее помять. Пришлось ждать осени. Когда хлеб убрали, мы осмотрели весь сад, вырвали засохшие яблоньки, а на их место посадили новые саженцы. Тут мы заметили, что за лето наши яблони вытянулись и окрепли. Против новых саженцев они казались настоящими деревьями.

Теперь многие яблони выросли уже выше нас, и через три года их уже нужно будеть прививать. В школах мы часто спорим, какие сорта мы будем разводить. Пока мы еще не решили, но скорей всего привьем мичуринские сорта.

Так приезжайте же к нам, дорогие товарищи, и мы угостим вас самыми лучшими колхозными мичуринскими яблоками.

Пионеры школ еромковского сельсовета (БССР):
Метелица, Яромен, Понченка, Меерович, Пруткоу, Голяшова, Пацемкина, Петрова, Спасоу, Шапира.

Письмо Силяева и Раракина. Москва.

Ребята хорошо сделали, что, по совету Володи Рогова, провели у себя телефон. А ведь как с ним удобно! Нужно срочно собрать сбор звена, поговорил по телефону — и через несколько минут все в сборе. Многие ребята не только проводят телефон, а радиофицируют школу, даже улицы в деревне.

Ждем от них писем.

Здравствуй редакция!

В 17—18-м номере журнала **«Пионер»** мы прочитали про «самодеятельный» телефон и тоже себе сделали такой же телефон. И звонок изобрели. Вместо наушников мы взяли репродукторы, а звонок сделали так: провод, который идет от одного товарища к другому, мы присоединяем к фазе электротока, и репродуктор начинает дребезжать и довольно громко. Попробуйте! Такие телефоны мы провели от меня к Ване Раракину (расстояние 500 метров), к Боре Новоселову (150 метров), к Боре Устинову (60 метров) и к Игорю Рудникову (25 метров). Станция была у меня, и телефон работал хорошо. Но у нас срезали провода, а других достать негде. Если бы был провод, мы бы провели телефоны по всему Лаптеву.

С пионерским приветом!

В. СИЛЯЕВ
И. РАРАКИН.

Лаптево. М.-К. ж. д. Средняя полная школа, 7-й класс А.

Письмо Нины Мартынюк. Ашхабад, Таджикская ССР.

Многие ребята живут на далеких окраинах Советского союза. Так далеко, что и не доберешься к ним. А как они живут и работают, всем интересно узнать.

Дорогие товарищи редакторы!

Вы меня просили написать что-нибудь интересное о нашей республике, я думала, думала и вот что решила написать вам.

У нас, в Ашхабаде, есть шелкомотальная фабрика. Я на ней была. Очень интересно смотреть, как шолковые коконы, в которых сидят червячки, сначала варят в котлах с горячей водой, а потом из них разматывают тонкую-претонкую ниточку — паутинку. Это и есть шолк.

У нас в школе мы тоже разводим шелковичных червей и кормим их листочками тутовых деревьев.

Фабрика построена недавно (до этого никаких фабрик у нас не было). Ну, так вот на этой фабрике и была ученица Сашли Базар-Кисы.

Вот Нина Мартынюк хорошо написала, что делает советская власть в далекой Таджикской республике. Все ребята советских окраин должны писать нам письма. Мы их напечатаем, и наши читатели по этим письмам как бы совершат экскурсию во все уголки Советского союза.

Ей было всего 13 лет. Отца у нее не было. Мать ее вышла за другого. А отчим Сашли был лишенцем, сыном богатого бая. Отца его выслали, а сын остался, спекулировал продуктами.

Звали его Ораз Барды Пам Берды. Вот приходит к нему единоличник Нури Хаджи Курбан-оглы и говорит:

— Продай мне в жены Сашли.

Ораз согласился и уговорил мать Сашли—Биби-Гизель. Ораз Берды, Нури и Биби пришли поздно вечером в общежитие шелкомотальной фабрики. Они схватили Сашли, замотали ей голову платком и увезли в кишлак к Нури. А хитрый Ораз взял и уехал из города на несколько дней, как будто он тут не при чем.

Но про похищение Сашли узнали, и всех их арестовали. Недавно был суд. Ораза и Нури приговорили к 10 годам тюрьмы, а Биби — к 2½ годам.

Советская власть не позволяет относиться к женщине по-старому и строго наказывает тех, кто нарушает советские законы.

Еще хочу я вам рассказать про нашу реку, Аму-Дарью. Таких рек у вас нет. Она очень широкая, больше километра, и быстрая. А самое главное: она любит гулять. Сегодня тут река, а на другой день она ушла в сторону.

Мне одна подруга рассказывала, что у ней на родине за девять дней Аму-Дарья на пятьсот метров ушла в сторону и размыла много посевов и домов.

Сейчас Аму-Дарья впадает в Аральское море, а лет четыреста назад она впадала в Каспийское море. Аму-Дарья потому такая, что она течет по мягким землям, которые легко размываются. А если бы вы видели Аму-Дарью во время разлива! Вот это ширина! Разливы же на ней бывают два раза в год: весной, когда тают снега, и летом, когда тают ледники в горах.

Ну, пока все, а то и так я расписалась. Приезжайте к нам на экскурсию, увидите все сами. У нас много интересного, и есть много мест, в которых еще никто не бывал.

Нина Мартынюк.

Ашхабад.

Письмо М. Гриб.

Москва.

Коллекционеры бывают всякие. Гриб собрал коллекцию спичечных коробок. У него их уже 60 штук. Юра Золотов собрал 258 открыток с картин русских художников. Многие ребята собирают марки.

Нам интересно знать, у кого какая коллекция, в каком она состоянии, как был раздобыт самый лучший и ценный экземпляр коллекции, что знают ребята о тех предматах, которые они собирают.

Ждем писем от ребят-коллекционеров с подробным ответом на этот вопрос.

Во дворе у нас ребята собирают спичечные коробки. Первыми стали собирать Сеня Мороков и Адольф Штерн. Меня это тоже заинтересовало, стал и я собирать.

В свободное время я ездил по Москве, ходил по магазинам и покупал спичечные коробки с разными этикетками: с кораблями, тиграми, слонами, аэропланами. Когда мама покупала спички с интересными этикетками, я сейчас же отбирал у нее несколько коробок, а потом приходил ко мне Ося Толочинский, и мы с ним менялись.

Сейчас у меня 60 коробок. Самая лучшая из них — «Красин во льдах». На ней написано «Made in USSR». Это значит: «Сделано в СССР».

Теперь кое-что о спичках.

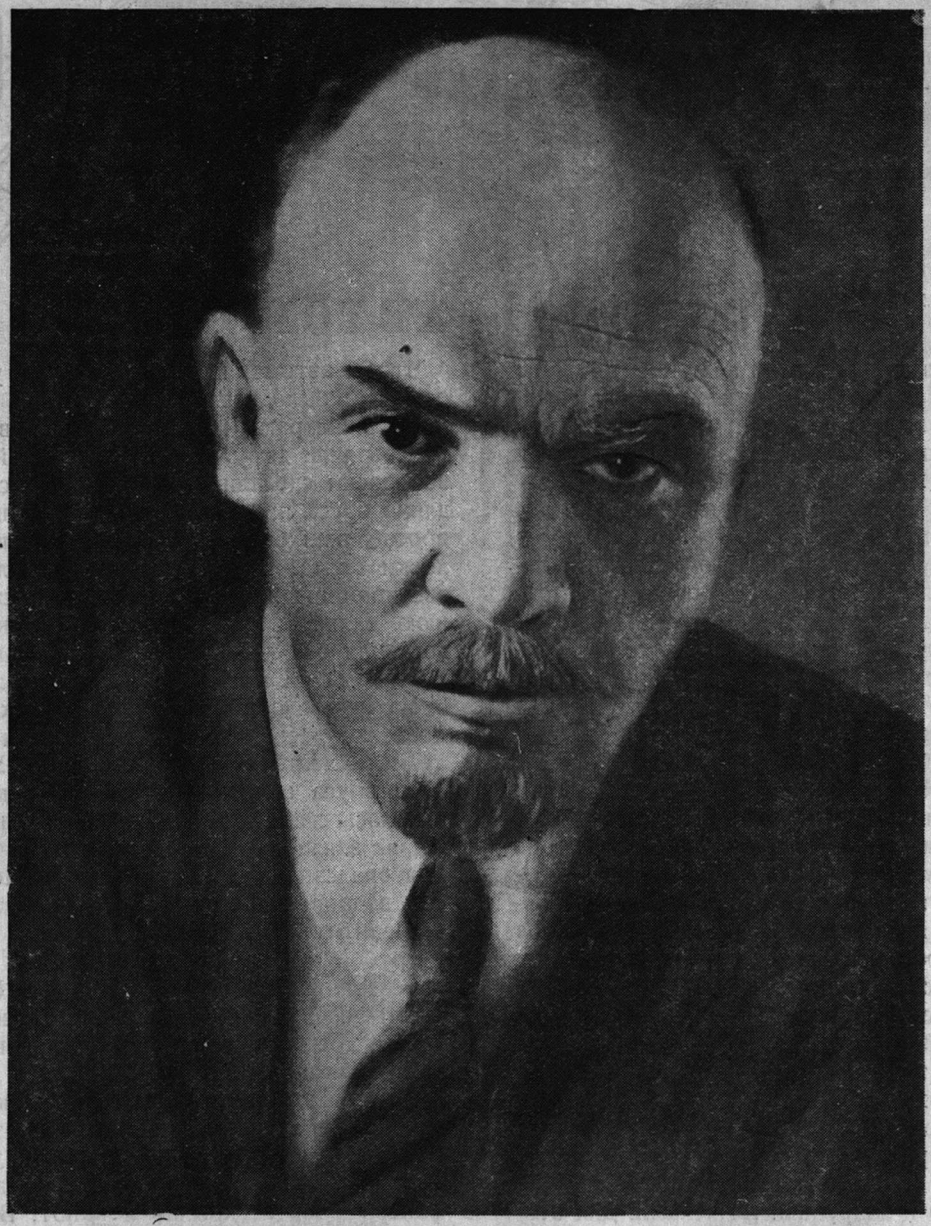
Первая спичка была сделана из фосфора. Головка ее состояла из желтого фосфора, бертолетовой соли и клея. Зажигалась она обо все: о сукно, о сапог, о ботинок. Потом изобрели «безопасные» спички. Безопасными они называются потому, что раньше фосфорными спичками можно было легко отравиться. Спички ведь всегда лежат на кухне, как-нибудь отломится кусочек фосфорной спички и попадет в суп, а потом съедят суп и отравятся.

Потом для выработки спичек изобрели машины. Для спичек обычно берут осину, потому что древесина осины легко пропитывается парафином, а парафином пропитывают ее для того, чтоб она лучше зажигалась.

Сейчас есть такие спички, которые не гаснут на ветру, — для охотников, путешественников.

М. Гриб.

12-я школа БОНО.



Двадцать первое января 1924 г.

Стихи В. Маяковского

Тенью истемня весенний день,
выклеен правительственный бюллетень.
Нет!
Не надо!
Разве молнии велишь
не литься?
Нет!
Не оковать язык грозы!
Вечно будет
тысячестраницый
грохотать
набатный
ленинский язык
Разве гром бывает немотою болен?!
Разве сдержишь смерч,
чтобы вихрем не кипел?!
Нет!

Не ослабеет ленинская воля
в милионносильной воле ВКП.
Разве жар
такой
термометрами меряется?
Разве пульс
такой
секундами гудит?!
Вечно будет ленинское сердце
клокотать
у революции в груди.
Нет!
Нет!
Не-е-т...
Не хотим,
не верим в белый бюллетень.
С глаз весенних
сгинь, навязчивая тень!

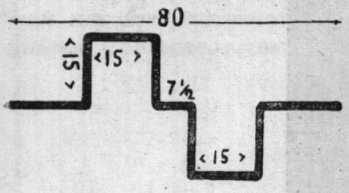


Рис. 1.

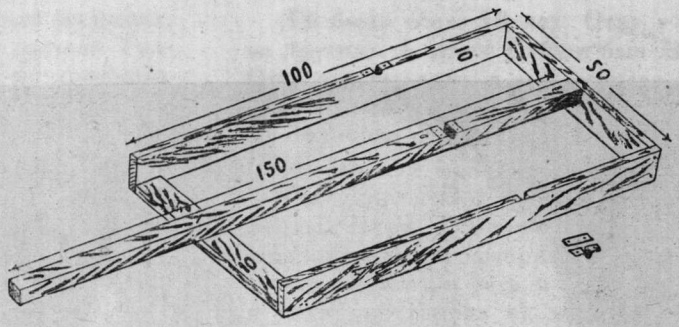


Рис. 2.

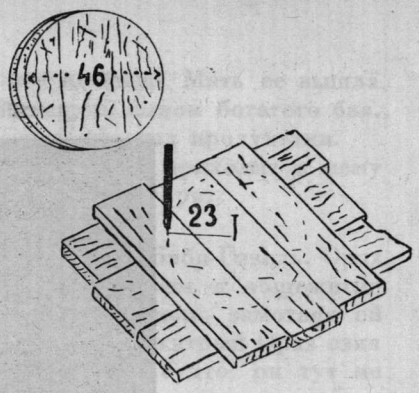


Рис. 3.

КАК СДЕЛАТЬ АВТОМОБИЛЬ

Сделать самим автомобиль совсем нелегко. Когда мы принялись за работу, у нас не оказалось самого главного — коленчатого вала, а без него сделать автомобиль невозможно. Наконец, мы нашли круглую железную палку около 2 метров длиной, но как мы ни старались, а сделать из нее коленчатый вал нам так и не удалось. Тогда мы отнесли эту палку кузнецу и об'яснили, что нам нужно. Кузнец разогрел палку докрасна и согнул ее вот так (рис. 1). Теперь, когда самое главное было сделано, работа у нас пошла скорее. Мы стали делать раму автомобиля. Для этого мы сначала подобрали подходящий материал: 1) квадратный брусок толщиной в 7 сантиметров и длиной в 1 метр 50 сантиметров; 2) две доски по 3 сантиметра толщиной, по метру длиной и по 10 сантиметров шириной, 3) кусок толстой доски в 6 сантиметров толщиной, в 50 сантиметров длиной и 10 сантиметров шириной и 4) доску в 3 сантиметра толщиной, 10 сантиметров шириной и 50 сантиметров длиной. После этого крепко-накрепко сбили эти доски вот так (рис. 2). Получилась рама. На 40 сантиметров от переднего конца рамы мы во всех трех досках прорубили желобки и вставили туда вот такие железные подшипники (рис. 2). В подшипники положили коленчатый вал и сверху забили железными планками.

Потом из трехсантиметровых досок сколотили колеса. Передние колеса мы сделали в 45 сантиметров диаметром, а задние—в 28. Доски сколачивали вот так (рис. 3). В центрах колес просверлили дырки по толщине задней оси и коленчатого вала. На вал насадили колеса втугую и закрепили их чеками. Для этого пришлось просверлить на концах вала дырки.

Заднюю ось сделали из железной палки в 2 сантиметра толщиной. Сгибать нам ее не пришлось, зато в ней надо было просверлить 6 дырок.

Чтобы автомобилем можно было управлять, заднюю ось надо было сделать поворотной. Для этого в средней планке рамы на 25 сантиметров от заднего конца просверлили дыру, потом из толстой, семисантиметровой доски сделали поворотный брус (рис. 4), по всей длине бруса продолбили желобок для оси, а посредине просверлили брус насквозь и выдолбили ямку для головки болта. В дырку вставили болт, надели на него две широкие железные шайбы и, вставив болт в среднюю балку, завинтили сверху гайкой. А в желобок вставили ось и сквозь дырки прибили ее гвоздями (на рис. 4 дырки показаны стрелками).

На концы оси надели шайбы и колеса, но дырки в колесах просверлили пошире, чтобы они свободно вертелись. Закрепили колеса чеками. У концов поворотного бруса ввинтили болтики с ушками. Теперь нам осталось сделать только рулевое управление. Для этого мы взяли железный стержень в 1 метр длиной и в полтора сантиметра толщиной и насадили на него кусок водопроводной трубы в 10 сантиметров длиной и в 5 сантиметров толщиной. Пустое место между осью и трубой туго забили деревянными колодками. Потом просверлили дыру сквозь трубу и стержень и пропустили через эту дыру кусок стального троса (рис. 5).

На переднем конце средней планки прибили согнутую железную полоску с дыркой и всунули в нее конец стержня, а концы троса привязали к поворотному брусу и продели сквозь ушки. Натянув трос, концы его загнули и замотали тоненькой проволокой. После этого из досок сделали скамейку для водителя, а из фанеры—борта, крылья и капот. Все это гвоздями и планками приколотили к раме (рис. 6), а к капоту прибили железку с дыркой для рулевого стержня. Сверху на стержень надели баранку, выпиленную из фанеры (рис. 7), и покрасили автомобиль краской.

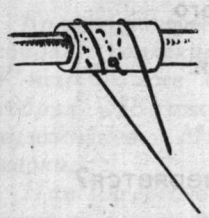


Рис. 5.

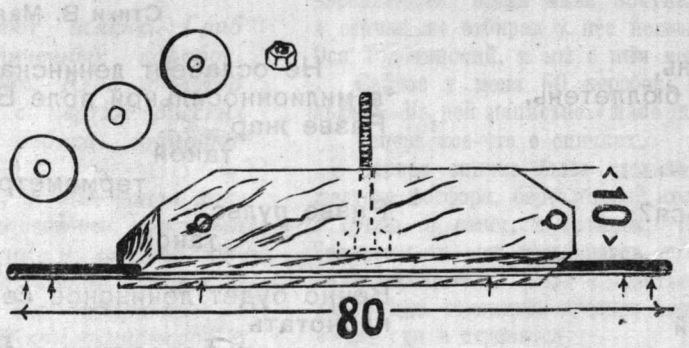
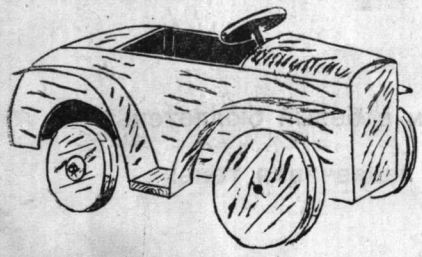


Рис. 4.



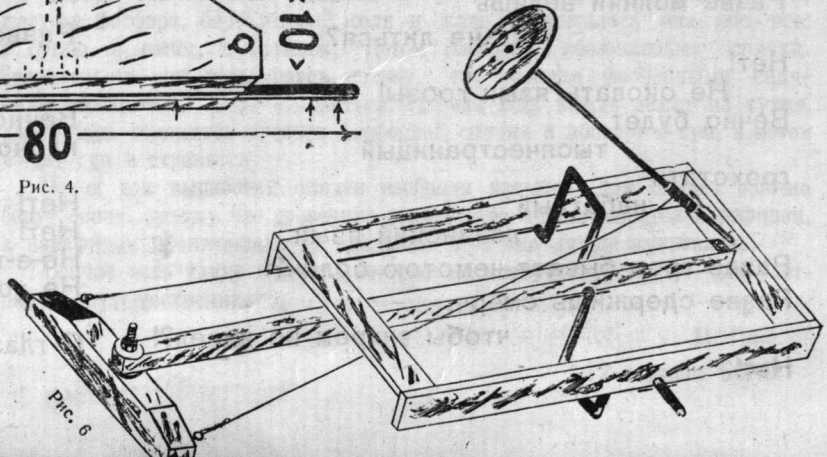
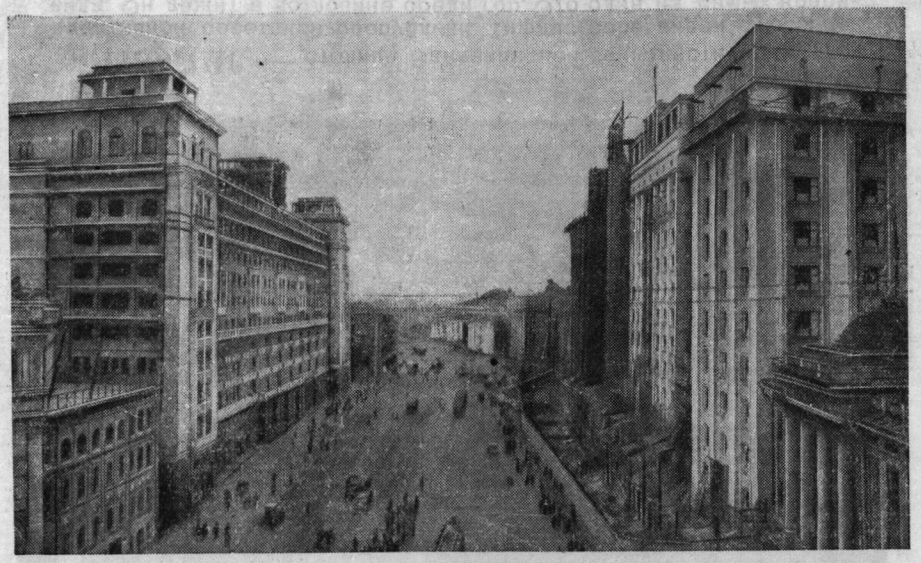
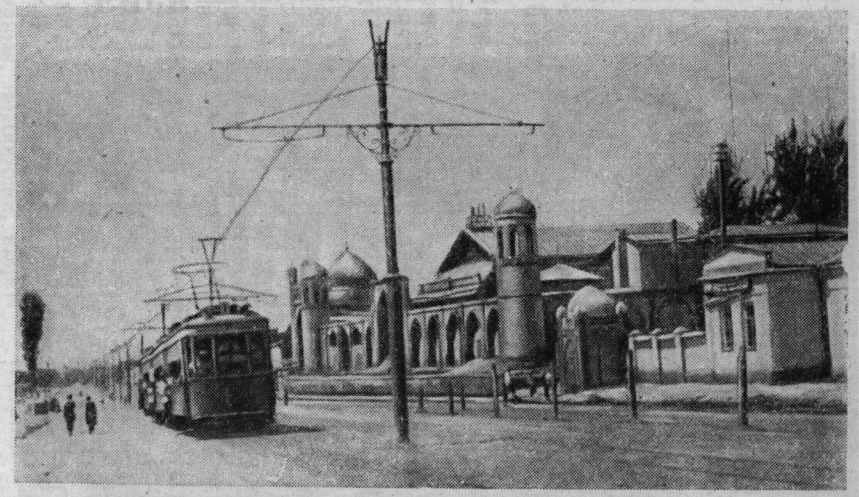


Рис. 6

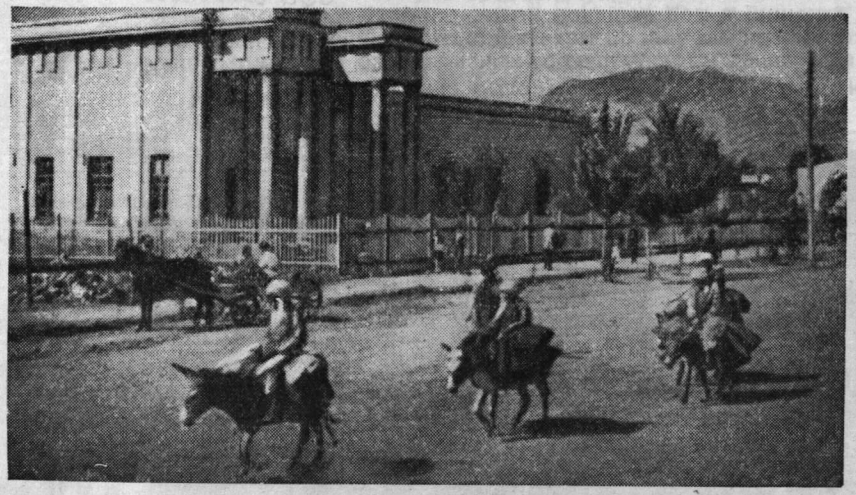
семь наших столиц



москва — столица Советского союза. На снимке: бывший Охотный ряд — будущий Проспект Ленина. Слева гостиница Моссовета, справа Дом комитетов Совета труда и обороны. Маленький домик с колоннами — это Дом союзов, одно из самых больших зданий старой Москвы.



ташкент — столица Узбекистана. Она состоит из двух городов: старого и нового. Старый построен по древнему мусульманскому обычаю: все дома окнами во двор. Узкие улицы — это коридоры между глухих стен и заборов. В новом Ташкенте улицы покрыты асфальтом, строятся большие дома. На улицах большое движение, мчатся трамваи, автомобили. Старый Ташкент уступает место новому. Это новая улица на месте старого города.

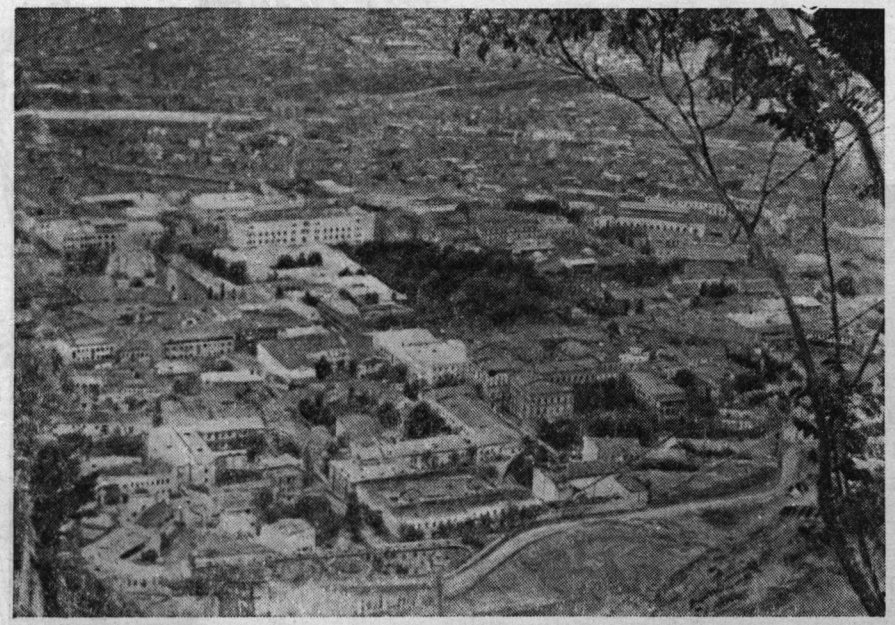


ашхабад — столица Туркменской республики. До революции Туркменистан был совсем дикой страной, по степям кочевали туркмены со стадами. Теперь все переменилось. Кочующие туркмены оседают на землю. Города и села растут. Там уже

сталинабад — столица Таджикской республики. Несколько лет назад здесь был кишлак (деревня) Дюшамбе. Теперь среди гор — они видны вдали — строится столица седьмой советской республики. На фотографии: одно из новых зданий столицы.

МИНСК — столица Белоруссии. Раньше, до революции, Минск был глухим провинциальным городом. Улицы в Минске были грязные, большие дома были наперечет. Теперь Минск — столица Белоруссии. Главные улицы Минска залиты асфальтом, проведены новые трамвайные линии, построены большие красивые дома.

На этой фотографии—самый большой дом в Минске. Это Дом правительства. Там помещаются ЦИК Белорусской ССР и другие советские учреждения.



ТИФЛИС — столица Закавказской социалистический федеративной советской республики. Тифлис весь виден с горы Давида. Он лежит в чотловине среди гор. Это один из самых красивых городов Союза. Самое большое здание в Тифлисе построено совсем недавно, оно видно на фотографии.

КИЕВ — столица Украины. Киев — старинный город. Он стоит в центре Украины, на высоком берегу Днепра.

Во время гражданской войны Киев пострадал от обстрела и пожаров. Недавно в Киев перевели столицу Украины. Сейчас там идет большая стройка. Скоро Киев станет одним из красивейших городов Союза.

Чудесная железка

В. Н. Замараев

Откуда берутся великаны?

Вы думаете, великаны бывают только в сказках и все, что рассказывают о них, выдумка? Нет, настоящие великаны бывают и в действительности. Конечно, они не такие большие, как в сказках, но все же я поразился, когда первый раз встретился с великаном. Первый раз я увидел великана, когда был студентом медицинского института. Его специально пригласили в институт, чтобы показать нам, студентам.

Ростом он был выше сажени, с сильно разросшимися, выдающимися частями тела. Нос у него был несоразмерно большой, губы толстые и крупные, подбородок широкий, длинный и сильно выступал вперед. Руки и ноги у него были неуклюжи и огромны, а ладони примерно в полтора раза больше ладоней взрослого человека.

Конечно, не всегда и не все великаны бывают такими страшилищами, но у большинства мы все же находим эти неправильности. Как же могут вырасти такие уроды?

У всех людей, у всех домашних и диких животных, которых ученые относят к типу позвоночных, на нижней поверхности головного мозга есть желёзка — маленький комочек живых клеток. Врачи называют эту желёзку придатком мозга. В клетках этой желёзки вырабатываются особые вещества — гормоны. Состава их мы до сих пор не знаем. Мы даже точно не знаем, сколько их вырабатывается. Знаем только, что желёзка выделяет очень мало таких гормонов. Они попадают в кровь, вместе с кровью разносятся во все отдаленные участки нашего тела, и вот под их-то влиянием и происходит рост организма.

Если их выделяется слишком много, больше чем обычно, то получается такой необыкновенный рост, как у моего великана.

Таких великанов мы считаем больными людьми, и, действительно, если их не лечить, то в конце концов эта болезнь приводит к

Великан среди обыкновенных людей.

смерти. Многие великаны сначала поражают нас своей силой, но постепенно они теряют ее и даже доходят до того, что едва могут держаться на ногах. Виновата в этом та же мозговая желёзка, которая сильно разрастается и выделяет слишком много гормонов. Когда желёзка увеличивается, она начинает давить на мозг, и у больных начинаются головные боли, иногда даже портится зрение.

Болезнь эту пробовали лечить разными способами: и лекарствами, и рентгеновскими лучами. Это не всегда помогает. Иногда болезнь развивается все больше и больше, и тогда приходится прибегать к операции. Операция эта очень рискованная, а потому делают ее в редких случаях. Ведь надо проникнуть в мозг и в то же время не повредить его. При малейшей неудаче хирурга человек может ослепнуть, оглохнуть, не сможет ходить, говорить или, наконец, просто умрет.

Хирурги пробовали удалить желёзку со стороны виска или темени, но отсюда это сделать очень трудно, так как слишком много участков мозга можно повредить, прежде чем доберешься до желёзки. Хирурги удаляли ее через рот, разрезали небо и продалбливали кость особым долотом. Но лучше всего делает эту операцию немецкий хирург Брунс. Он на лице, около носа, делает разрез, сдалбливает кости носа и весь нос отворачивает на правую сторону, а затем уже через носовую полость добирается до кости, под которой лежит мозговая желёзка. Долотом и особыми костными щипцами он продалбливает отверстие в этой кости и маленькой острой ложечкой выскабливает часть желёзки, а затем снова пришивает нос на место.

Операция эта делается под общим наркозом, т. е. человека усыпляют эфиром или хлороформом, и он не чувствует боли.

Можно ли увеличить рост по желанию?

Если рост зависит от веществ, выделяемых мозговой желёзкой, то нельзя ли заставить животных расти быстрей, если кормить их этой желёзкой и тем самым увеличить в их организме количество гормонов? Многие задумывались над такой задачей и пытались представить себе, что бы получилось, если бы удалось осуществить это?

Было бы очень любопытно вырастить гигантских кур, размером хотя бы с теленка. Из одной курицы тогда можно было бы приготовить обед на 50 человек.

Почему же ученые не сделали этого до сих пор? Может быть, это вообще невозможно? Но в таком случае в чем же наша ошибка?

Рост зависит не только от гормонов. Рост зависит от разных причин и от свойства самого организма. Под влиянием гормонов животное может немного вырасти. Но во всяком случае этому росту есть определенный предел. Ученые, конечно, пытались делать такие опыты. Вот, например, Уленгур кормил этой железой молодых зверьков из породы земноводных. Зверьки быстро росли и достигали больших размеров. Посмотрите на рисунок Уленгура. Правого зверька он кормил железой, а левого — обычной пищей. Насколько правый крупнее!

Правого зверька кормили железой, а левого—обычной пищей.

Если рост до известной степени зависит от мозговой желёзки, то можно проделать и обратный опыт. Я хочу сказать, что если мы удалим посредством операции желёзку у молодого животного, то животное, очевидно, будет плохо расти. Так это и оказывается на самом деле. Сейчас уже многие ученые проделывали такую операцию на разных животных. Если удалить придаток мозга у головастика-лягушки, то головастик так и не превратится во взрослую лягушку. Ашнер проделал подобный опыт со щенками, и вы видите на рисунке, как резко отличаются они друг от друга. Они братья, но в то время как один из них вырос во взрослую большую собаку, оперированный остался маленьким косолапым щенком, с нежной кожей, покрытой щенячьим пушком.

То же самое и у человека. Конечно, специально для этого никто не оперировал людей, но иногда, по каким-то неизвестным нам причинам, мозговая желёзка может недоразвиться, и тогда человек остается маленького роста. Таких людей мы называем карликами. Впрочем, иногда и другие причины могут вызвать карликовый рост.

В прежнее время таких карликов и карлиц делали шутами, которые должны были развлекать царей и бояр. При дворах царей шутов-карликов держали десятками и находили большое удовольствие в издевательствах над этими обиженными природой людьми.

Перекраска без краски

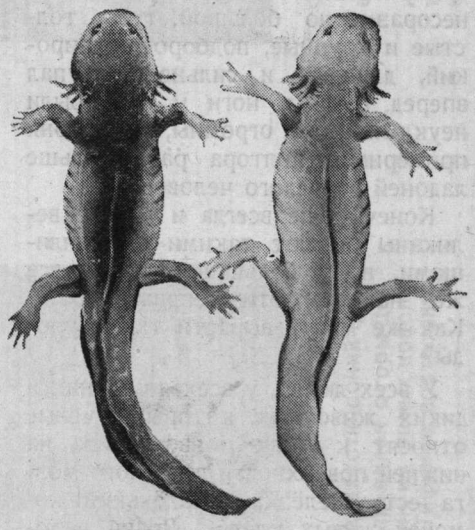
Мозговая желёзка влияет не только на рост. Она влияет и на целый ряд других процессов в организме. Вот, например, возьмите черного аксолотля. Это небольшое животное того же класса, что и тритон. У нас в Союзе эти зверьки встречаются только в лабораториях. Они иностранцы, их родина—Мексика. Там они живут в болотах как у нас лягушки и тритоны. Они черного цвета потому, что в коже у них много клеточек, наполненных черным веществом. У обычного аксолотля эти клеточки имеют отростки и расположены вот так:

Оказывается, что такое расположение клеточек зависит именно от гормонов мозговой желёзки. Если же сделать операцию этим зверькам и вырезать у них придаток мозга, то клетки втянут в себя свои отростки и расположатся вот так:

Ясно, что во втором случае общая окраска аксолотля станет светлее. Таким образом окраска их зависит также от этой мозговой желёзки. У нас в лаборатории уже несколько лет живут светлые аксолотли, когда-то бывшие черными.

Такие же опыты можно проделать с тритонами, лягушками и некоторыми другими животными.

Все, что я рассказал, не исчерпывает всех свойств придатка мозга, и если кто-нибудь из вас станет учиться, чтобы стать врачом или биологом, он узнает еще много интересных вещей.



Черный и светлый аксолотли.

Это щенки-братья. Левый, оперированный, остался маленьким щенком, а правый, неоперированный, вырос во взрослую собаку.

БИОСКОП

ИЛИ СООБЩЕНИЯ ИНЖ. ГИДРОЛЮБОВА О ВЕЩАХ МЕЛКИХ И КРУПНЫХ, ВИДИМЫХ И НЕВИДИМЫХ, ОТДАЛЕННЫХ И БЛИЗКИХ, ИЗВЕСТНЫХ И НЕИЗВЕСТНЫХ

Какое самое большое число можно написать тремя цифрами? Почти всякий школьник знает, что это число — 9^{9^9}.

Но мало кто знает, как будет выглядеть это число, если его написать обыкновенным способом. По вычислениям математика Крафта, оно имеет около одной трети миллиарда цифр. Начинается оно следующими цифрами — 428124773175747048036987115. Последние две его цифры—89. Какие цифры в промежутке, пока еще неизвестно. Если бы это число можно было напечатать на полоске бумаги, то полоска имела бы длину в 1800 километров. Если же напечатать это число ввиде книги, чтобы на каждую страницу пришлось 14 000 цифр, то из подобной книги можно будет составить 33 тома по 800 страниц каждый.

●

В средине века между епископом Робертом Большеголовым и епископом Магнусом завязался ученый спор, чего больше: листьев на дубе или же волос на человеческой голове.

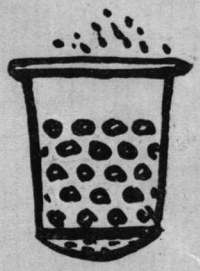
Этот спор, продолжавшийся несколько лет, так и не был окончен. Уже много лет спустя он был решен в пользу Магнуса его другом Фомой Аквинатом.

Фома Аквинат немало уничтожил на своем веку деревьев, обрывая и подсчитывая на них листья. С таким же упорством пересчитывал он и волосы на головах людей.

Оказалось, что число волос на голове человека не превосходит 200 тысяч. А число листьев у старого дуба приблизительно равно двум миллионам. У сосны число игол — 10 миллионов.

Любопытно, что нынешние научные данные вполне совпадают с вычислениями Фомы Аквината.

●



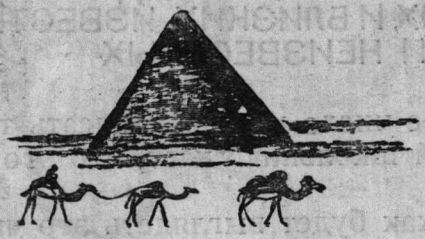
Много лет назад греческий ученый Архимед написал книгу под названием «Исчисление песчинок». В этой книге он ставил себе целью определить число песчинок, вмещающихся в шаре величиной во всю вселенную.

Если перевести древние меры на современные, то окажется, что, по вычислениям Архимеда, в одном кубическом сантиметре вмещается 80 000 000 песчинок.

Два австрийских школьника решили проверить это. Несколько дней подряд они терпеливо считали песчинки, вмещавшиеся в наперстке. В результате они получили числа, гораздо меньшие чем у Архимеда.

По этому поводу один математик сказал, что сочинение Архимеда правильнее было бы назвать не «Исчислением песчинок», а «Исчислением пылинок», — так малы его песчинки.

●



Кто-то из американских богачей, человек довольно малограмотный, предложил проект — разобрать Хеопсову пирамиду и по частям перевезти ее в Америку.

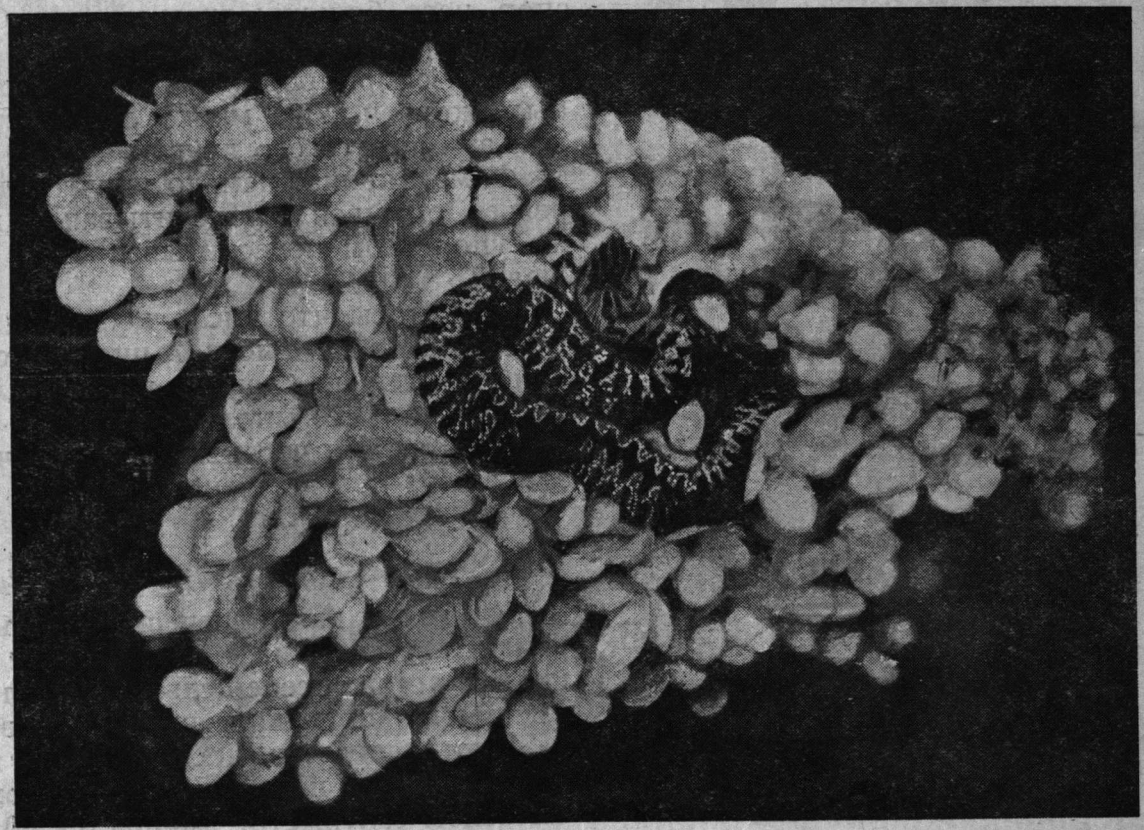
Однако инженеры раз'яснили ему, что это дело не такое легкое. Для того чтобы перевезти весь материал, из которого сделана пирамида, нужно 15 тысяч товарных поездов, то есть, иными словами, около миллиона вагонов!

●

32 года назад немецкий математик Шуберт вычислил, что 29 апреля 1902 года в 10 часов 40 минут истек ровно один миллиард минут с начала нашей эры.

Змея на цветке

Редкая фотография



цифра не совсем точная, и ученые решили еще раз собраться для точной проверки.

Это не так просто — подсчитать все народы. Есть такие народности, которые насчитывают всего несколько десятков человек.

В царское время список народностей, населявших Россию, быстро сокращался. Почему? Вот краткая история тунгусов.

Тысяча двести лет назад тунгусы основали на Дальнем Востоке могучее государство Бохай. Это была культурная страна, и развалины ее многочисленных городов и дорог между ними сохранились до нашего времени. Государство тунгусов было очень устойчиво. Сто лет с ним боролись воинственные кидане, потом его разорял знаменитый завоеватель Чингис-хан, а тунгусы продолжали жить на этом же месте.

Но вот триста лет назад пришли на Дальний Восток русские казаки Поярков и Хабаров со своими дружинами. Словно ураган прошлись казаки по тунгусским поселениям, облагали их тяжелой данью, грабили и убивали.

Армянский мальчик.

Не выдержали казацкого разбоя тунгусы: снялись с мест, где они жили сотни лет, и ушли за реку Амур, в Китай. А казаки остались одни, и многие из них умерли от голода, так как питались они за счет грабежа тунгусов.

Часть тунгусских племен жила севернее. Но и до них в погоне за мехами добрались казацкие лихие атаманы в поисках «мягкой рухляди» — пушнины.

Тунгусы бежали в непроходимую тайгу. Но и там до них добрались русские купцы и кулаки. Они спаивали тунгусов водкой, отбирали за бесценок у пьяных охотников пушнину. Доведенные до отчаяния, тунгусы сожгли тайгу около реки Ангары, думая, что купцы не проберутся через пожарище.

Но слишком выгодно было обирать тунгусов — и купцы лезли и через пожарище. Тунгусы бежали еще дальше на север.

От могучего государства Бохай осталось всего 4½ тысячи тунгусов-эвенков. Но теперь эвенки возрождаются. Недавно они выбирали свои советы. Большая часть их кочует со своими оленями. По тайге и по тундре ездили посланцы советской власти и сообщали о перевыборном собрании.

Работа советов

С раннего утра около домиков культбазы стали сотни оленьих упряжек. Напрасно кулаки пугали, что кто приедет на выборы, у того отберут оленей. Эвенки слушали доклад о работе совета. Докладчик рассказывал, что в 1932 году было 2 школы, а сейчас 10, что построена больница, а доктора ездят по чумам, что созданы кооператив и первые артели охотников и смолокуров, что шесть эвенков посланы учиться в Ленинград, что фельдшера своими прививками прекратили падеж главного богатства эвенков — оленьего стада, и о многом другом говорил он.

Потом стали говорить эвенки.

— Хороша школа, — говорил один из них. — Но почему она не учит наших детей охоте?

Учитель об'яснил, что в школе сейчас организован охотничий кружок, и ребята учатся разбирать следы зверей, отыскивать их, ставить ловушки, изучают повадки зверей и птиц.

— Надо крепче бороться с кулаками, запретить им брать «кормленков» (так называются маленькие батраки, которых кулаки включают в свою семью и заставляют работать за еду и одежду, кормят об'едками, одевают в обноски), — сказал другой эвенок.

После выборов лучших охотников в совет выступили с пьесой пионеры из культбазы.

Эвенки дожили до советской власти и теперь расцветают, но много народов было уничтожено совсем. Так исчез могучий народ омочи, о котором в летописях говорилось:

«На берегах Колымы более омочских... огнищ нежели в ясную ночь звезд в небе». Последнее племя омочей несколько сот лет назад ушло по льду на север и пропало.

Айн.

Исчезли ителаги, которых было столько, что когда однажды они собрались на ярмарку на озере с полуметровым льдом, то лед треснул, и многие из них погибли.

Неизвестно, существуют ли кили и ольги, от которых остались только несколько слов их языка да имена родов.

Список вырос

Советская власть вернула к жизни десятки народов, увеличила список народностей. Так появился народ удегэйцы. До революции их не считали даже особым народом и они очень быстро вымирали. Если бы не революция, то сейчас удегэйцы были бы так же известны, как кили и ольги.

Народы, которые насчитывали всего десятки людей, как например таинственный народ айны на Сахалине, теперь быстро растут. А таинственным народом ученые считают айнов потому, что не могут догадаться, откуда они произошли: среди безволосых племен монгольской расы живут волосатые айны, очень похожие на людей белой расы.

Тунгусский мальчик.

Года через два все ребята севера будут учиться. Сейчас на одной Камчатке в 53 школах учатся полторы тысячи ребят коряков, чукчей, ительменов, алеутов и ламутов.

Цена 30 коп.

М 887

Хевсурская девочка.

Но многие из этих народов кочуют со своими оленями по тундре. И вместе с ними кочуют и школы, палатки и читальни, красные юрты, или яранги, с кино, радио, фельдшером, аптечкой. Можно встретить и кочующих учителей, которые ездят на оленях или собаках от одного кочевья к другому, учат ребят и задают им задания на несколько дней.

Больше сорока народов получили свою письменность. Для них печатаются сотни тысяч книг.

В маленьком Дагестане, на Кавказе, живет больше 40 народов и племен. Там есть такие места, что, перейдя из одной долины в другую, попадаешь совсем к другому народу. Там рядом находится десяток аулов и в каждом из них живет свое племя.

И если до революции все племена враждовали друг с другом и путнику опасно было пройти по дороге из одного аула в другой, то сейчас Дагестан—один из самых культурных уголков Кавказа, где все ребята учатся на родных языках и где о племенной вражде забывают навсегда.

Бурятский мальчик.

Советская власть и коммунистическая партия помогают всем народам, от самых маленьких до самых многочисленных, идти к социализму, к счастливой жизни. Более передовые и развитые народы помогут отсталым и слабым.

Советская конституция заботится о том, чтобы даже самый малочисленный народ принимал участие в управлении не только той частью нашей великой родины, где он живет, но и всем СССР. Вот почему ЦИК СССР разделен на две части: Союзный совет и Совет национальностей, в который входят представители всех союзных и автономных республик.

Гербы Советского союза и его республик

Герб СССР.

Герб Узбекской ССР.

Герб Таджикской ССР.

Герб Белорусской ССР.

Герб Украинской ССР.

Герб Российской СФСР.

Герб Закавказской СФСР.

Герб Туркменской ССР.

На обложке нарисованы пионеры семи советских республик: наверху—грузинский пионер (ЗСФСР); в среднем ряду—московский пионер (РСФСР), украинская пионерка (УССР), белорусский пионер (БССР); в нижнем ряду—туркменская пионерка (Туркм. ССР), таджикский пионер (Тадж. ССР) и узбекская пионерка (Узб. ССР).

Отв. редактор Б. ИВАНТЕР Худ. редактор М. АСКИНАЗИ Издатель: Издательство ЦК ВКП(б) „Правда".

Сдан в набор 7/XII—34 г., подписан к печати 13/I—35 г. Изд. № 71 Формат 1½ 62×94 см. 1½ б. л. 135 000 п. зн. в бум. л.

Уполномоченный Главлита № Б—1774 Заказ № 605 Тираж 60 000

Типография газеты „Правда" им. Сталина, Москва, ул. „Правды", 8.